

Сокровище вод

- Ну и где, где твои сокровища, синерожий?

Капитан каперского брига «Безрассудство» навис над распростертым на досках палубы Морисом, занеся кулак в грубой проклепанной перчатке для нового удара. Во рту было солоно от крови из разбитых губ.

- Сокровища там, где и должны быть, - выплюнул Морис вместе с осколком зуба. - Там, где я и сказал. На острове, капитан Буриан.

- А остров? Где гребаный остров, а, сопляк?

- Ваш корабль стоит в его лагуне, капитан, - улыбнулся Морис.

Капитан в бешенстве ударил его снова. Потом обратил безумный взгляд за борт.

Острова, по сути, и впрямь не было.

Одинокая скала возвышалась обломанным зубом над щербатым кольцом рифов, ограничивающим спокойную лагуну, в которой могли разместиться весьма привольно около сотни кораблей, подобных «Безрассудству». Скалы здесь и там были покрыты редкой порослью ракуса и пальмолиста, и казалось, что здесь нет места, в котором можно было бы спрятать величайшее сокровище мира.

С открытым морем лагуну связывал единственный узкий проход, которым сам капитан, следуя инструкциям Мориса, провел свой корабль не более часа назад.

«Безрассудство» стоял на плавучем якорю посреди лагуны. Часть команды во главе с капитаном уже успела высадиться на берег в яликах и оббежать окружающие лагуну скалы кругом.

И, разумеется, они ничего не нашли.

Ничего, кроме полчищ разноплеменных крабов, кишевших на бесплодных скалах и среди чахлой растительности.

Так и должно было случиться.

- Ты просил вернуть тебя домой, щенок, - прорычал капитан.

- Да, капитан Буриан, - ответил Морис. - И уже заплатил за это немалую цену.

- Но обещал гораздо большее!

- Так и есть, капитан Буриан. Наш уговор по-прежнему в силе.

Капитан расхохотался.

- Что ж, я выполнил свою часть сделки, - сказал он, утирая слезы рукавом камзола. - Ты дома, Морис...или как там тебя зовут на самом деле? Только вот — где он, твой дом?

Капитан схватил Мориса за грудки, и ремни кожаной сбруи больно впились в тело. Капитан притиснул свой нос к носу мальчика, сверля его безумным взглядом.

- И. Где. Моё. Сокровище? - спросил он.

- Здесь, капитан, - улыбнулся Морис окровавленным ртом.

Капитан отшвырнул его прочь, всадил в ребра тупоносый сапог, повернулся кругом и широко развел руки, явно играя на публику.

Публика была еще та. Лихой сброд со всех островов Худого архипелага, пара варваров с Северных мелей, полдесятка зеленых от загара южан-листохватов с Окраинной земли. Изможденные долгим плаванием лица, драная одежда, ржавое, но от того не менее смертоносное оружие в трех, пяти, десятипалых руках и руконожках.

Все они смотрели сейчас на скорчившегося у фальшборта Мориса. Взгляды их не предвещали юноше ничего хорошего. В обращенных на него глазах он читал злобу, недоумение, ненависть, злорадство, предвкушение потехи. Они все проделали долгий путь, и проделали его впустую. За это кто-то должен ответить. Возможно, даже умереть.

Обступив капитана и Мориса полукольцом дурно пахнущих тел, команда ждала продолжения, алчно поблескивая ощеренными в недобрых ухмылках зубами.

Только взгляд Пилигрима был спокоен и отрешен. Он смотрел Морису прямо в глаза, словно говоря: а ведь я предупреждал тебя. Предупреждал еще там, на берегу, в таком далеком и кажущемся теперь нереальном Винтбурге, предупреждал давно — еще тогда, когда по весне только начал еще сходить лед с островерхих крыш да капель заиграла в лучах поднявшегося над горизонтом солнца россыпью живых бриллиантов.

Винтбург — морские ворота Приполярного континента, жуткая дыра на краю земель, скованных круглый год панцирем льда едва ли не в милю толщиной. Только оазисы у вулканов, протаявших в ледяной шапке огромные чаши, полные теплой воды, способны поддерживать жизнь в этих краях долгой-предолгой — в три четверти года — зимой.

Винтбург стоит на одном из вулканических конусов, которые поднимаются над уровнем талых вод озера Мирабель, отделенном от холодного Кругового океана полоса льда всего в сотню миль. Из них только полсотни лед лежит на твердой земле — остальные пятьдесят миль представляют собой припай, лишь немного не касающийся океанского дна.

Теплые воды озера нашли себе сток в океан, проплавив в толще льда туннель. Диаметр его достаточно велик для того, чтобы обеспечить судоходство в этом районе — а там, где не хватило сил у природы, ей помогли люди.

И нелюди.

Сеть подобных туннелей пронизывала ледовый панцирь всего Приполярья, связывая между собой все озерные оазисы — Котловины.

В Котловинах нашли приют любители тепла и комфорта. Жизнь в Империи Севера была сурова и аскетична, и бедняка отделяло от богача не так уж много сорренов на дне их карманов.

Изрезанную трещинами разломов, изборозжденную складками торосов поверхность ледника населили расы, привычные к запредельным холодам и секущим ветрам метелей.

Города под, на и над поверхностью прекрасно сосуществовали, приумножая мощь и богатство Империи, и вели оживленную торговлю друг с другом и с внешним миром.

Вратами Приполярья во внешний мир как раз и был портовый город Винтбург.

Морис оказался в Винтбурге, городе высоких острых крыш, сернистого дыма тысяч вулканических жерл и неба, заключенного в кольцо ледяных стен, не по своей воле.

Когда подводная пентера «Доминион» зашла в порт для ремонта и пополнения запасов, Морис был на ее борту. Пентерный раб, купленный капитаном «Доминиона» на невольничьем рынке Базарного острова. Раб, прикованный цепью к оси одного из больших беговых колес пентеры, один из тысячи таких же несчастных, как он сам, — вот кем он был тогда.

Совокупные усилия рабов сообщали «Доминиону» скорость хода в двадцать узлов. Пентера была грозным оружием Империи, обеспечивая безопасность вод, принадлежащих императору снегов и льда.

Стычка с рейдерами Бесцветных островов едва не оказалась для «Доминиона» последней. Пентера пустила на дно два рейдера и обратила в бегство третий, но из-за полученных в бою повреждений едва доползла до границы припая. После частичного ремонта капитан провел израненный корабль сквозь туннель, и то, что «Доминион» не остался навеки в царстве подводного льда, было скорее везением, нежели закономерностью.

Для Мориса это везение продолжилось и в самом Винтбурге. После входа пентеры в

док команда сошла на берег. Экипаж отправился прожигать накопившееся за месяцы плавания жалование в портовые таверны и бордели, а рабов перевели в охраняемые бараки в припортовом районе.

Где-то на полпути между портом и бараками Морису удалось сбежать. Когда Пилигрим позже спрашивал, как ему удалось освободиться из кандалов, тот лишь пожал плечами. Какая разница? Главное, что все получилось.

Он чуть не замерз насмерть этой зимой, которая показалась бесконечной уроженцу теплого юга — ведь бессмертие отнюдь не подразумевает неуязвимости. Пилигрим спас его, дав кров, еду и одежду — и ничего не прося взамен вовсе не потому, что нечего просить у беглого с императорских подводных пентер.

Таков уж он был, Пилигрим.

«Я сразу понял, кто ты», - написал тогда Пилигрим на своей табличке.

- Но как? - спросил Морис.

«Мое племя служило твоему с начала времен, - Пилигрим писал торопливо, но буквы все равно выходили ровными. - Потом нас почти не осталось, но, кто все еще жив, хранят в сердцах память о Хозяевах. Несложно распознать Истинного даже в таком обличье».

Потом он склонил свою остроконечную голову в поклоне.

Сейчас Пилигрим стоял за кольцом матросов, возвышаясь даже над рослыми варварами-северянами на две головы.

Худой, костлявый, словно его выпотрошили и забыли набить чем-то взамен требухи и мышц, оставив чешуйчатую кожу обтягивать рыбий скелет — так, что острые кости, казалось, вот-вот прорвутся наружу, украсив жуткими колючками и без того непривлекательную фигуру. Узкий безгубый рыбий рот, рыбы же глаза без век навек — но глаза Пилигрима, в отличие от глаз большинства его соплеменников, были на удивление выразительны. Вслух на суше говорить он не мог — писал сухой кистью-плавником на восковой пластинке или, если удавалось найти, на пергаменте или редкой в здешних краях бумаге.

Почерк у Пилигрима был на удивление ровный и разборчивый. Буквы он выводил крупные и аккуратные — вот и сейчас, даже лежа на палубе, Морис прочел на повернутой к нему табличке: «Не пытайся встать. Иначе кто-то умрет». Он усмехнулся.

Но все-таки встал.

Пилигрим сокрушенно качнул сплюснутой с боков головой, на которой невесть как удерживался глубокий капюшон моряцкого плаща.

«Глупо».

Знаю, подумал Морис. Вытер кровь с лица тылом ладони. По струпьям и болячкам побежали сиреневые потеки. Потряс головой, чтобы палуба перестала уходить из-под ног.

- Сокровища там, капитан Буриан. Клянусь.

Капитан рывком обернулся. Лицо его под мятой треугольной шляпой было искажено от ярости. Морис вдруг почувствовал, что в горло ему уткнулось что-то колющее. Скосив глаза, увидел широкое лезвие абордажной сабли, которую капитан неувлимым движением выхватил из ножен.

- Что, если я сейчас велю боцману привязать тебе к ногам ядро и вышвырнуть за борт, мальчик? - вкрадчиво спросил капитан. - Ты показал себя отличным пловцом, но сможешь ли ты дышать водой, а не воздухом из дышегубок? Что может помешать мне сделать это, а? Или кто?

- Вы сами, - ответил Морис.

Клинок кольнул сильнее.

Очень осторожно Морис сглотнул, сразу почувствовав, как между ключиц скользнул под рубаху новый кровавый ручеек. Это было неприятно. Вот, значит, как чувствуют себя смертные, когда им напоминают, что они смертны.

- Я не смогу ничего рассказать вам, если сейчас умру, - почти не двигая губами, просипел Морис. - Тогда действительно все было зря.

Капитан смерил его взглядом. Давление на горло усилилось, и Морис невольно сделал шаг назад, наткнулся на фальшборт, перевалился через борт и рухнул в море.

Когда через несколько мгновений, полных шипения пузырьков вспененного воздуха и соленых поцелуев волн, он схватился за свисавший с борта конец, капитана на палубе уже не было.

«Ждет в каюте», - написал Пилигрим.

Поняв, что потехи не будет, команда потянулась кто куда. Дел у экипажа было невпроворот - еще с самого всплытия «Безрассудства» после долгого подводного перехода.

Прежде, чем отправиться в каюту капитана, Морис позаботился о том, чтобы его товарищи по плаванию не слишком утруждали себя этой работой.

Ремонт подождет.

Каперский бриг «Безрассудство», сошедший со стапелей Винтбургских верфей два десятилетия назад, был все еще крепким судном. Его веретенообразный корпус из стужеясеня от форштевня до ахтерштевня достигал полусотни саженей, а ширина верхней — надводной — палубы равнялась десятку шагов рослого человека. Пара косых мачт поднималась системой блоков и шкивов в считанные минуты, а управление парусами велось с ходового мостика.

Боковые порты скрывали десять пушек, а на носу и корме установлены были спаренные картечники. Команда «Безрассудства» способна была, дойди дело до abordaja, выставить три десятка отчаянных рубак всех рас, испещренные шрамами тела и лица которых говорили сами за себя. Бриг был весьма грозной силой, способной и постоять за себя, и доставить массу неприятностей купеческим судам и сходным по классу кораблям врага, отбившимся от флота.

Широкие, попарно выведенные из корпуса лопасти плавников - общим числом восемь - в надводном положении превращались в горизонтальные рули и стабилизаторы. Под водой же плавники сообщали судну скорость в полтора десятка узлов — гребцы, сменяя друг друга каждые полчаса, неумоимо бежали внутри ходовых барабанов, а система зубчатых колес передавала их усилия на коленчатые гребные рычаги. При вхождении брига в поток подводного течения из специальных люков на прочнейших тросах выбрасывались огромные полотнища брезентовых парусов, увлекая судно за собой и экономя силы трюмной команды.

Незадолго до всплытия брига многоухие слухачи из пробирочных первертов, выведенных в алхимических подземельях столичного Чертога Сил, совершенно точно определили в далекой ритмичной пульсации стук нескольких китовых сердец. Думая, что неподалеку проходит стадо мирных крикачей-полосатиков, капитан и команда оказались совершенно не готовы к тому зрелищу, которое предстало им, когда «Безрассудство», продув балластные цистерны, пробкой выскочил на поверхность и закачался на легкой зыби.

Ошибкой капитана Буриана стало то, что он не убедился в безопасности акватории прежде, чем всплытие судна сделалось неотвратимым. Но трехнедельный подводный рейд под многосаженным ковром спутанного морелиста, сплошь покрывавшим

поверхность океана от средних до низких широт, спертый зловонный воздух, который неспособны были оживить зачахшие в жаре и духоте волшебные орхидеи судовой оранжереи, наросшая нервозность среди команды, вылившаяся в несколько драк с поножовщиной и назревающую угрозу бунта — все это привело к тому, что капитан не меньше матросов мечтал о глотке свежего воздуха и ощущении солнца и ветра на коже, а потому пренебрег обычным порядком.

За это едва не поплатился весь экипаж.

Первое, что увидели все они, высыпав на мокрую палубу - десяток столбов жирного черного дыма, подпиравших небосвод. В основании столбов среди невысоких волн виднелись темные массивные тела.

Смех стих. Веселье угасло. Капитан Буриан замысловато выматерился и ударил кулаком о ладонь.

- ЖирожОги, - процедил он сквозь зубы. - Адово проклятье южных вод.

Это действительно были киты. Действительно — крикачи-полосатики. Каждый — чуть меньше брига в размерах.

И все они были мертвы.

Сила, двигавшая огромные мертвые туши сквозь бег волн, имела весьма простое объяснение — которое не становилось менее чудовищным из-за своей простоты.

В чрево каждого из гигантов был установлен котел, в котором разогревалась вода. Закипая, она превращалась в водяной пар, который отводился по кишечнику мертвого кита наружу, превращая китовую задницу в извергавшее струю кипятка сопло. Сила освобожденного пара двигала китовое тело вперед.

Примитивные паровые машины приводили в движение выведенные сквозь бока мертвого исполина весла — именно их уханье слухачи ошибочно приняли за биение китового сердца. Хвост и плавники, тросы управления от которых сходились в опустошенный череп кита, исполняли роль рулей.

Пламя, дававшее необходимый для закипания воды жар, питалось плотью самого кита. Ворвань, постепенно вырубаемая из гниющих стенок пустотелого остова, горела в топках, извергая через дымоходы тот самый черный дым, который и увидела команда «Безрассудства», стоило брига подняться на поверхность.

На плаву дохлые киты удерживались за счет гнилостных газов, накапливающихся в

естественных полостях тел и под толстой шкурой, от чего и без того немалые туши раздувались до поистине чудовищных размеров.

Среднего размера кита хватало на пару недель плавания — прежде, чем разложение, крачки-ревуны и акулы-трупоедки не спроваживали мертвого исполина в могилу на морском дне. В умелых руках паровой кит за эти две недели мог натворить изрядных дел.

Десять мертвых китов могли натворить вдесятеро больше.

Впредсмотрящие жирожогов молниеносно заметили низкий силуэт всплывшего брига. Через пару минут все стадо легло на новый курс, устремившись к «Безрассудству».

Капитан меж тем не терял времени даром. Он зычно раздавал приказы, которые дублировал боцман — для палубной команды — и старший помощник, бубнивший слова команд в раструбы переговорных труб. Во всех направлениях помчались матросы, исполняя команды капитана.

Распоряжения капитана показались Морису противоречащими друг другу.

- Мачты поднять! - командовал капитан. - Паруса развернуть! Бегунам — полный ход! Механик, передача на полный вперед! В трюмах, балласт принять! На носу, лагами течение искать! Палубные батареи к бою! Курс...

По всему выходило, что «Безрассудство» одновременно должен был бежать, тонуть и сражаться. Все это не укладывалось у Мориса в голове, но, захваченный общей горячкой приготовлений к схватке, кажущейся неизбежной, он бросился туда, где ему полагалось быть по боевому расписанию.

К клеткам с готфринами.

Готфрины, или рыболюды, как называли их обитатели суши, приходились очень дальними родственниками тому разумному племени, к которому принадлежал Пилигрим. Именно он, обратив внимание на несомненный талант Мориса в обращении с животными, пристроил мальчика к делу, поручившись за него перед боцманом, а потом — и перед капитаном Бурианом.

Клетки располагались под палубой. Всегда заполненные забортной водой, они служили приютом для десятка готфринов. Спустившись в трюм, Морис открыл крышку первой из клеток и нырнул в пахнущую тиной воду.

Готфрины окружили его. Куски рыбы-дурманки мигом перекочевали из карманов

ременной сбруи Мориса в зубастые пасти, и блюдцеобразные глаза помутнели в нахлынувшем приливе кратковременного опьянения.

Эти несколько минут потребовались Морису на то, чтобы должным образом снарядить питомцев, а потом приласкать и одурманить готфринов из второй клетки. Потом он поворотом рычага распахнул внешние порты, и, когда рыболоуды устремились наружу слитным потоком переливчатых тел, бегом вернулся на палубу с докладом.

Капитан прервал изрыгаемый на суетящуюся команду поток брани ровно настолько, чтобы, выслушав торопливый рапорт Мориса, раздраженно махнуть рукой в сторону флотилии жирожогов, за прошедшие минуты заметно приблизившейся к «Безрассудству».

- Вон твоя цель, мальчик. Ты знаешь, что нужно сделать. Да помогут тебе боги! Иначе нам не видать твоего острова, как пить дать, не видать!

Морис нашел глазами Пилигрима. Тот, укрепляя в пазах фальшборта страшноватые абордажные гарпуны, ободряюще кивнул ему. Морис кивнул в ответ, вдел в петли сбруи пару дышегубок и прыгнул за борт.

Готфрины закружили его в хороводе, глупо хихикая и пуская разноцветные пузыри воздуха из пастей. Раздавая шлепки, Морис направил их туда, где вода кипела от извергаемых китовыми внутренностями струй пара. Вцепился в спинной плавник одного из рыболоудов и ушел под воду вместе с ним.

Дышегубками он не воспользовался. Он не нуждался в воздухе для дыхания под водой — но капитану и команде знать об этом было вовсе не обязательно.

Рыболоуды двумя клиньями устремились навстречу флоту мертвых китов. Зелень воды то и дело прорезали серебристые лезвия рыбьих тел, и готфрины лакомились на ходу, хватая покрелей и рыб-свистунов и пища от удовольствия.

О приближении цели их оповестили акулы. Десятки пятнисто-полосатых тел описывали широкие круги вокруг гор разлагающейся плоти, то и дело бросаясь в центр живой спирали, чтобы вырвать шмат гнилого мяса из боков или брюха одного из гигантских трупов. Их не отпугивали ни струи кипятка, ни заградительные пики, которыми была щедро утыкана подводная часть кораблей-мертвецов.

Вода сделалась теплой, зловонной и мутной. Морис чувствовал ее гниlostный привкус губами. Ноздри наполнились ее отвратительным запахом, а к коже словно прикоснулось что-то липкое и противно-вязкое.

Остатки акульего пиршества опускались в глубину неопрытными хлопьями, и их подхватывали рыбы поменьше. Рыболоуды промчались сквозь завесу из рыбьих тел и ошметков мертвой плоти, пройдя под «днищами» кораблей и ловко увернувшись от извергаемых струй кипятка.

За мертвым флотом тянулся длинный шлейф объедков, которые подъедали тысячи рыб-падальщиц. Зайдя жирожогам в тыл, Морис заставил своего готфрина подняться на поверхность и огяделся.

Раздутые туши, над которыми в клубах жирного дыма кружили сотни плотоядных морских птиц, закрывали обзор, но главное Морису все же удалось разглядеть. Положение брига казалось безнадежным.

За минуты, проведенные Морисом под водой, дистанция между китами и «Безрассудством» сократилась почти вдвое. Бриг поднял мачты и развернул полотнища парусов, одновременно начав погружение — его корпус погружался в волны с дифферентом на нос. Только теперь Морису стал более или менее ясен странный замысел капитана. Уйти от преследователей при слабом ветре на одних парусах бригу не удавалось ни при каких обстоятельствах. Стараясь выиграть нужное для погружения время и не желая оставаться при этом неподвижной мишенью, капитан использовал паруса для того, чтобы придать своему кораблю хотя бы относительную мобильность.

Затявкали картечницы, вспенив волны по курсу китовой эскадры. Капитан вел брига галсами. Поочередно рявкнули орудия одного борта, потом — другого. Снаряды легли в воду меж гигантских туш. Смачное чавканье отметило несколько попаданий в цели. Киты продолжали сокращать расстояние до брига, словно и не заметив повреждений.

Потом головной кит с нарастающим рокотом вдруг словно вырос в размерах вдвое.

А потом взорвался.

Больше всего это было похоже на извержение вулкана — только вместо лавы вулкан выбросил в кишасщее птицами небо чудовищный фонтан мяса и осколков костей. Воспламененный бомбой гнилостный газ выплеснулся наружу в фейерверке сгорающих в пламени птиц. На окрестную акваторию обрушился страшноватый зловонный дождь из останков кита и его команды. Чадно горящая туша начала медленно погружаться во вскипевшие от рыбьих тел волны. С развороченных взрывом китовых боков в воду сыпались оглушенные фигурки, напоминающие человеческие, сразу становясь добычей

акул.

Готфрины затанцевали рядом, выпрыгивая из воды и хватая в воздухе куски вонючего мяса.. Прежде, чем Морису удалось успокоить развеселившихся животных, их заметили.

Закутанные в цветное тряпье фигурки засуетились на спинах замыкающих неровный строй китов. Клубы дыма то и дело скрывали их от глаз Мориса, но, вне всякого сомнения, они готовили некую каверзу.

Окутывавшие китовые туши облака дыма сделались вдруг гуще, и из них выросли и потянулись к бригу клубящиеся длинные щупальца с ярко пылающими искрами на концах. Большинство дымных струй бесславно завершили свой путь в море — но те, что дотянулись-таки до «Безрассудства», расцвели лепестками грохочущего огня на его бортах и палубе. В небо взметнулись обломки.

Несколько таких щупалец рванулись прямо к Морису и его подопечным. Мгновение он смотрел на стремительно приближающиеся темные тела на вершине каждой из дымовых колонн, а потом резко ушел под воду, увлекая за собой готфринов.

Вода ударила в уши, словно хлопнув по ним сложенными чашечкой ладонями, оглушив и дезориентировав Мориса на несколько долгих секунд. Возможно, он даже потерял на миг сознание. Если бы он дышал запасенным в дышегубках воздухом, то сейчас непременно захлебнулся бы. Вокруг дергались тела оглушенных рыболовов.

Не все огненные рыбы, выпущенные жирожогами, сдетонировали при ударе о воду. Пара из них на столпах горящего даже в воде огня уходила сейчас в глубину, и Морис, понимая, что следующие взрывы убьют их наверняка, рванулся на поверхность, гоня перед собой дезориентированных готфринов.

Все вокруг заволкло дымом, и силуэты уходящих китов едва угадывались в сгустившемся мраке. Чуть в стороне вода вспухла рокочущими пузырями, и Морис ощутил чувствительный толчок снизу, едва не выбросивший его в воздух. Готфрины возмущенно защебетали. Морис успокоил их и, держа курс на птичий гомон, устремился в погоню.

Артиллерийская дуэль меж тем продолжалась. Где-то за дымами погромыхивали пушки брига, с громким плеском ложились в воду промахи. Шипя рассерженными змеями, срывались с китовых спин все новые живые ракеты. С видимой даже сквозь клубы дыма вспышкой взорвался еще один из исполинов, пробив в сплошной завесе брешь, сквозь

которую на Мориса хмуро взглянуло солнце.

Бриг, по всему видно, держался, стремясь если уж не уйти от неприятеля, так продать жизни своей команды подороже.

Следующий десяток минут Морис провел в мутном подводном сумерке, среди акул и объедков их бесконечной трапезы. Он вел стадо готфринов от одной китовой туши к другой, отдавая команды понятными животным жестами. Повинуясь его приказам, рыболоуды, распугивая акул, проходили каждый под брюхом указанного ему кита, выпуская из полостей тела миног-мясогрызок и блёвных прилипал.

Миноги сразу впивались в гнилую бледную плоть китовых животов, прогрызая в ней норы, в которые втискивали свои студенистые тела липучие моллюски. От самого подхвостья, где вода пузырилась от кипятка, и до безвольно отвисших челюстей, полных изломанного набегающим потоком воды китового уса, по брюху каждого из китов протянулась двойная дорожка свисающих из нор, словно фитили, миножьих хвостов.

Вот вдоль каждой из этих дорожек следом за готфринами и проплывал, раскинув крыльями руки, Морис. Он способен был плыть гораздо быстрее сухопутных — почти так же быстро, как рыбы или готфрины. И об этом тоже не стоило знать капитану и его команде.

В каждой руке он сжимал за извивающиеся хвосты маленьких огнерыбок, поджигая от жара их тел живые запалы. Миноги тут же втягивались в свои норы, унося пламя с собой. В китовых внутренностях за спиной Мориса начинало рокотать — он чувствовал это через воду, всей кожей.

Готфрины опрометью мчались туда, где остался «Безрассудство». Морис успел ухватить за хвост замыкающего рыболоуда, и его поволокло сквозь толщу воды. Когда вибрация вод стала невыносимой, готфрины, как по команде, рванулись к поверхности, пробив ее ослепительное зеркало, и свечами сверкающей чешуи вылетели из воды в облаках брызг.

Один за другим за их спинами взрывались мертвые китовые корабли жирожогов.

На том месте, где должен был находиться бриг «Безрассудство», вращалась, успокаиваясь, пенная воронка, да плавали обломки обшивки и рангоута.

Морис глотнул соленого воздуха и снова ушел в глубину. Готфрины последовали за ним.

Вскоре в темнеющей пучине показались знакомые очертания брига, который погружался с неубранными мачтами и клочьями облепивших реи парусов, увлекаемый подводным течением, раздувшим его глубинный парус. С борта сквозь иллюминатор замигал фонарь — Пилигрим ждал его возвращения.

Если бы Морис пользовался дышегубками, сейчас было бы самое время облегченно перевести дыхание.

Загнав рыболодов в клетки сквозь распахнутые порты, Морис задраил люки и вновь очутился в чреве брига, наполненном запахами пороха и крови.

Капитан молча хлопнул его по плечу, а Пилигрим, стоя за его спиной, сложил лопасть-кисть в знаке одобрения — сродни поднятому большому пальцу у людей — и попытался улыбнуться неприспособленным для улыбок ртом.

Потом за капитаном на целую неделю закрылась дверь каюты. Препоручив заботу о ремонте «Безрассудства» старшему помощнику, он провел это время в пьянстве, целеустремленно пытаясь если не уничтожить, то хотя бы изрядно сократить корабельные запасы манджи и брога.

С момента, когда капитан вновь появился на палубе брига, мужественно, как и подобает настоящему морсковолку, борясь с похмельем, и до избиения Мориса миновали еще две недели.

Морису доводилось бывать в каюте капитана «Безрассудства» лишь однажды — еще в Винтбурге, той самой весной, когда солнце, луны и звезды сказали ему, что пришла пора возвращаться.

Тогда он был для всех просто прыщавым, покрытым с ног до головы скверного вида струпьями синекожим оборванцем невесть какой расы — впрочем, в портовых городах, улицы которых кишмя кишели представителями сотен разумных рас мира, давно перестали удивляться любой, пусть даже самой необычной внешности, и не задавали лишних вопросов. Синяя кожа не шла ни в какое сравнение, к примеру, с сотней рук крабоедов Перешейка, или источающими зловонную слизь пачкунами из подводного Рибердосса, или пятикрылами с ледяных пиков гор Последней Черты.

По меркам Винтбурга Морис выглядел более чем заурядно, особенно рядом с Пилигримом, которому пришлось согнуться, надломив тело в самых неожиданных местах, чтобы уместиться под низким потолком капитанской каюты брига

Капитан Буриан, средних лет здоровяк с широченными плечами, рябым длинным лицом и лихо закрученными усами под изборожденным прожилками носом, сидел тогда за столом, на котором поверх вороха морских карт была небрежно брошена та самая сабля, и разглядывал Мориса, не скрывая своих сомнений в его отношении. За распахнутым иллюминатором шумел порт.

Пилигрим уже объяснил капитану цель их визита. Теперь они ждали его решения, вполне готовые к тому, что их спустят кубарем с трапа. То, что их выслушали, было уже неплохим знаком — особенно учитывая репутацию капитана Буриана, безжалостного капера с верительными грамотами Адмиралтейства.

Три предыдущие встречи закончились, еще не начавшись. Добропорядочные капитаны указывали странной паре на порог прежде, чем Пилигрим успевал написать что-то, кроме положенного приветствия. Красноречивые шрамы на запястьях и шее Мориса с головой выдавали в нем пентерного раба. И раба, разумеется, беглого, потому что никто из рабов не покидает имперских пентер иначе, как в джутовом мешке, брошенном с палубы в море.

- Откуда мне знать, что мальчишка не лжет? - спросил капитан.

Вместо ответа Морис по жесту Пилигрима извлек из складок одежды самое дорогое свое сокровище и положил на стол перед капитаном.

Внутри прозрачного, с крупную жемчужину размером, шарика ровно и спокойно горел огонь.

Морис увидел, как вспыхнули глаза капитана. Буриану явно было известно, что это такое.

Даже одной Искры хватило бы для того, чтобы окупить экспедицию. Ее хватило бы на то, чтобы окупить десть экспедиций, а потом безбедно жить до конца дней, купаясь в роскоши. Капитан прочно попался на крючок.

Алчность была извечным двигателем истории, верша человеческие и нечеловеческие судьбы, легко сгорающие в огне этой порочной страсти.

- Твой друг поведал мне твою историю, - сказал, с прищуром рассматривая Мориса уже новым взглядом, капитан. - На твою долю выпало немало злоключений. Как тебе удалось сохранить ее при себе?

- Я был осторожен, господин Буриан, - ответил Морис. - И скрытен. А подробностей, думаю, вам лучше не знать.

Капитан изумленно воззрился на него, а потом расхохотался.

- Находчив и дерзок, да, пацан? - сказал он. - Почему же ты пришел ко мне, а не купил себе корабль?

- Меня наверняка ограбили бы и убили, - пожал плечами Морис.

- Что же мешает сделать это мне? - спросил капитан, нависая над Морисом горой внушительных мышц. Глаза его блестели, ноздри раздувались.

- За вас поручился мой друг, - просто сказал Морис.

Капитан усмехнулся. Потом снова сел. Задумчиво покатал шарик по столешнице. Подул на обожженную ладонь.

- Похоже, у тебя жаростойкая задница, если ты хранил его именно там, - заметил он.

- Впрочем, ты прав, о некоторых вещах лучше не знать. Но присматриваться к ним стоит попристальнее.

Морис предпочел промолчать.

- Хорошо, - сказал капитан после недолгого раздумья, крутанув ус. - Убедительно. И много ли там...таких?

- Россыпи, господин Буриан, - ответил Морис.

- С этой минуты для тебя — капитан Буриан, - сказал капитан. Возвращать огненный шар он и не думал. - Ты зачислен в команду. Что умеешь делать?

Пока Морис пытался сообразить, в чем, кроме гребли на имперских пентерах, он преуспел за последний год, Пилигрим черкнул что-то на воске и показал Буриану.

- Зверятник? - Пилигрим кивнул в ответ. - Что ж, годится. Знаешь, кто такие готфрины?

- О да, - Морис позволил себе наконец улыбнуться. - В моих краях они не редкость. Я умею управляться с ними.

Кто бы мог подумать, что гонки наперегонки с готфринами могут когда-нибудь сослужить добрую службу? Мама бы удивилась, подумал Морис, вспомнив всю бездну материнского неодобрения, которое она неизменно выражала при любом упоминании рыболодов.

Вместе с этими мыслями нахлынула волна светлой печали, и Морис понял, что и впрямь соскучился по родовому гнезду.

Так, целую вечность назад, начиналось его возвращение. Теперь же он был на пороге родного дома.

Оставался один единственный, последний шаг.

И Морис был готов сделать его.

Капитан ждал его. При виде Мориса он отставил в сторону кубок с бродом. Сабля весьма красноречиво лежала на столе.

- Ты испытываешь мое терпение, щенок, - сказал капитан. - Объяснись, пока я все-таки не прикончил тебя.

- Я расскажу вам историю, капитан. Она не слишком длинна, и надеюсь, я не утомлю вас ею, - сказал Морис.

- Ты уже утомил меня сверх всякой меры, - поморщился Буриан. - От того, чтобы не снести твою дурную голову, меня удерживает лишь любопытство. Ну, что еще за чушь ты припас для меня?

- Вас привела сюда жадность, капитан Буриан, - Морис предупредительно поднял ладонь. - Не станем отрицать очевидного. Вы соблазнились возможностью завладеть гораздо большим, чем одна-единственная Искра.

- Я деловой человек, - пожал плечами капитан.

- Вы никогда не задумывались, как в людской мир попадают Искры? - спросил Морис. - Ведь каждая из них имеет свою историю. Люди знающие могут поведать вам десятки имен тех, кто владел когда-то каждой из Искр — ведь среди них нет ни одной, похожей на другую. Но никто не знает, откуда они берутся — и куда исчезают.

- Существуют разные мнения на этот счет, - сказал капитан. - Говорят, что их добывают где-то на дальнем юге. Они зреют в огромных раковинах, сродни жемчужницам...

- Чушь, капитан Буриан, - улыбнулся Морис. - Абсолютнейшая чушь.

- А еще рассказывают, что Искры самозарождаются во льду на крайнем севере долгим полярным днем, когда солнечные лучи попадают в ловушку бесконечных отражений в глыбах чистейшего льда.

- Милая версия, - сказал Морис. - Но от этого не делающаяся меньшей чушью, чем предыдущая.

- Допустим, - кивнул капитан. - Полагаю, все остальные предположения не меньше позабавят столь осведомленного молодого человека. Поэтому я оставляю их при себе. А что до неопровержимого исчезновения Искр — что ж, сокровища всегда исчезают из поля зрения большинства смертных. Их утрачивают, теряют, уничтожают...

- Или просто приходит их срок.

- Я слышал, что существуют люди, весьма могущественные люди, и не только люди, состояния и даже империи которых выстроены на обладании Искрами. Многими, многими Искрами. И они постоянно приумножают их число, скупая, отнимая, ворую эти драгоценности. Потом, бывают и совершенно безумные собиратели сокровищ, для которых сам факт обладания значит гораздо больше стоимости драгоценности... - Тут капитан, погруженный в свои рассуждения, моргнул и переспросил: - Что там было сказано насчет срока?

- Для Искр приходит время вернуться, - сказал Морис.- А поскольку никто не спешит расстаться с ними, их крадут. Все Искры похищены. Ни одна не отдана предыдущими хозяевами добровольно.

- Откуда ты знаешь?

- Поверьте мне. Обычно хозяева начеку — но раз в поколение рождается действительно талантливый воришка. Обычно ему удастся украсть столько Искр, сколько сочтет нужным.

- Почему?

- Потому что так хочет его мать.

Капитан опешил.

- Что же за маменькин сынок этот воришка? - спросил он. - Должно быть, его мамаша — самая богатая из смертных!

- Она бессмертна, - сказал Морис. - И сказочно богата, да. Она спит на ложе из Искр. Он улыбнулся.

- Ты безумен, - с уверенностью сказал капитан. - Я прикажу боцману запереть тебя в канатном ящике до самого возвращения в Винтбург. А там я сдам тебя обратно на пентеры, с которых ты каким-то чудом сбежал.

- Никакого чуда не было, - улыбнулся Морис. - Кандалы оказались слишком непрочными, чтобы удержать меня.

- Мои удержат. - Капитан распахнул дверь и и позвал боцмана. Не дождавшись ответа, выглянул наружу. Замер. Потом ринулся к столу и схватил саблю.

Лицо его было перекошено. Страшно дергался глаз.

- Что ты сделал с ними? - спросил он. Голос его, как ни странно, был тих и спокоен. - Они все мертвы!

- Они лишь спят, - сказал Морис. - И проспят столько времени, сколько нам потребуется для того, чтобы найти понимание, капитан Буриан.

- Но...как?!

«Иглы с моего хребта», - написал Пилигрим. Потом вежливо поклонился — сперва Морису, потом - капитану.

- Чего ты хочешь? - спросил капитан, не опуская сабли.

- Что вы думаете о драконах, капитан Буриан? - спросил Морис в ответ.

Капитан недоуменно воззрился на него. А потом расхохотался так, что едва не выронил клинок.

- Сказки, - заявил Буриан, отсмеявшись.

- Те, кто пытался потопить «Безрассудство», так не считали, - сказал Морис.

- Что?! Так ты знаешь, чьи это были киты? - требовательно спросил капитан. - Я полагал, что это просто пираты с одного из диких островов Китобойных вод. Старый добрый способ заняться разбоем верхом надохлом ките, если нет своего корабля — а если повезет, так корабль и появится. Но впервые вижу, чтобы кто-то собирал целую флотилиюдохляков. Кому и зачем такое могло понадобиться?

- Не всем нравятся драконы, - пожал плечами Морис.

- Какого дьявола ты заладил тут о драконах?! - взревел, теряя контроль, капитан.

- Кое-кто намерен препятствовать увеличению их числа самым решительным образом, - сказал Морис.

- Да нет никаких драконов! Какое еще «увеличение»?! Ты же не всерьез? - грохнул капитан кулаком по столу. - Байки это, в лучшем случае - легенды прошлого! А то и вовсе попросту сказки!..

- Сказки о драконах любят все, капитан, сказал Морис. - И, как видите, не все считают их сказками. Разве десяток дважды мертвых китов недостаточное тому доказательство? У драконов немало врагов, капитан. Многие боятся их возвращения в мир. И если драконы когда-нибудь решат вернуться, им понадобятся защитники.

- Защитники? - скепсис капитана был очевиден.

- Сочувствующие. Друзья. Те, кто готов..

- Служить?

- Помогать. Как Пилигрим.

Капитан некоторое время переводил взгляд с Мориса на Пилигрима и обратно. Глаза его постепенно наполнялись пониманием.

- Как Пилигрим... - чуть слышно произнес он. - Когда-то таких, как он, называли драконьими прихвостнями...

- Как грубо, - поморщился Морис. - Сами драконы предпочитали называть их Верными.

Капитан потрясенно молчал.

«Я стар», - написал Пилигрим.

Капитан потряс головой.

«Мне нужен преемник».

- И что? - одними губами прошептал капитан.

«Вы подходите».

- Верный рекомендует вас Истинным. А Истинные предлагают вам свою защиту и покровительство, капитан Буриан, - пояснил Морис.

- Что за чушь?!- Капитан побагровел.

- Иначе «Безрассудство» никогда не вернется домой, капитан Буриан, - сказал Морис. - И его команда, которая пришла бы в себя, оставаясь в неведении, как ни печально, не проснется уже никогда. Вам следует принять решение. И на вашем месте я не стал бы пренебрегать предложением хозяев.

- Зачем, зачем ты приволок нас сюда?! - вскричал капитан.

- Я не вас приволок сюда, - ответил Морис. - Я вернул домой своих младших братьев и сестер.

Он раскрыл кулак. На ладони его горели огнем Искры. Полтора десятка Искр.

- Что ты несешь?! - спросил капитан, но было видно, что он уже холодеет от новой догадки.

- Да, капитан Буриан, - кивнул Морис. - Кстати, один из моих братьев все еще у вас. В шкатулке, что спрятана в вашем сейфе. Вы достанете сами, или мне вскрыть дверь?

Морис за разговором катал меж пальцев взятое со стола чугунное ядро для картечницы. Дойдя до этого места в беседе, он растер его в пыль.

Капитан судорожно сглотнул, зачарованно проводив взглядом струйку черного порошка, стекавшую меж пальцев Мориса на пол.

- Очень похоже на песочные часы, верно, капитан? - заметил Морис. - Так и

чувствуется, как утекают секунды, одна за другой. Да?

Капитан вздрогнул и ринулся к сейфу.

- Да кто, глубина побери, ты такой?! - прошипел он, вытряхивая Искру в подставленную ладонь Мориса.

«Безрассудный» содрогнулся от толчка. Еще раз. И еще.

- И что это за чертовщина?! - Капитан распахнул ставень иллюминатора.

Побледнел, не глядя, нашарил на столе кубок и залпом, не поморщившись, влил в себя его содержимое. Глаза его неотрывно следили за чем-то снаружи.

Морис и Пилигрим подошли к нему.

Огромные стремительные тела кружили в бирюзовых водах лагуны, то приближаясь к бригу, то вновь удаляясь от него - словно танцую. Время от времени один из танцоров игриво бодал «Безрассудство» в скулу или борт, и тогда корабль содрогался от киля до клотика.

Корабельные готфрины играли с танцорами в догонялки, то и дело выпрыгивая из воды и весело щебеча. Те явно были не против.

- Это.. Это... - Капитан никак не мог произнести это вслух.

- Мои братья и сестры, капитан Буриан, - сказал Морис.

В глазах капитана плескался ужас.

- Давайте я расскажу вам о драконах еще кое-что, капитан? - предложил Морис, усаживаясь в капитанское кресло.

И начал рассказ, не дожидаясь ответа.

Люди и нелюди, расселившиеся по лику мира, часто говорили о драконах.

И, говоря о драконах, смертные не считали нужным пояснять, что это — скорее миф, нежели воспоминание о правде.

Послушав вдосталь подобных разговоров, можно было узнать о драконах многое — и не узнать ничего.

Например, вот это.

Драконы населяли все моря мира, встречались на всех континентах и островах, в небе и в толще скал. Откуда они появлялись, не знал никто.

Иногда людям начинало казаться, что драконы были всегда. По крайней мере, рассказами о драконах испокон веков наполнились все населенные земли.

При этом мало кто мог похвастать тем, что видел дракона, и лишь немногие из них — что видели дракона дважды.

Драконы не были добрыми или злыми. Они просто были.

Их никогда не было много.

Поговаривают, что они приносят удачу. А еще рассказывают, что кроме беды, ждать от них нечего. Считается, что драконы не едят ничего, кроме мяса девственниц, но тогда неясно, как они еще не вымерли с голоду в наше просвещенное время.

Словом, о драконах никому и ничего толком известно не было.

Драконы каждый раз рождались разными. Ни один не был копией своих братьев, сестер, родителей и сколь-либо далеких предков.

Раз в поколение рождались драконы, похожие на людей.

Сборщики.

Те, кто приходит в мир людей, собирая Искры, впитавшие в себя тепло и эмоции людей и других разумных рас мира. Почувствовавшие их радость и боль, их алчность и гнев, их сострадание и любовь.

Все то, что превращает крошечный огонек внутри прозрачной жемчужины в Истинного.

В дракона.

Сколь разными были существа, сквозь жизни которых прошли Искры, опалив их жаром своего огня, столь же разными рождаются из Искр и драконы.

Ни один из них не похож на другого.

В этом они не слишком отличаются от смертных.

Сборщики находят те Искры, которые созрели. Которые ждут возвращения в теплые воды лагуны, в которой они появились на свет ничтожными и неразумными — но уже способными подарить радость и горе любому смертному, наделить могуществом обладания - и отнять его.

Взамен собранных Искр сборщики приносят в мир новые. Число их всегда более или менее постоянно. Великая Мать не слишком щедра на потомство, а потому ревностно следит за балансом.

Искры должны оставаться величайшей из драгоценностей мира — иначе населяющие сушу и океан разумные существа перестанут относиться к ним с почтением - как когда-то перестали почитать драконов, когда тех сделалось слишком много, и чудо перестало быть чудом.

Сборщики заботятся об этом.

А Верные помогают им везде и во всем.

Морис говорил и говорил, видя, как ужас сменяется на лице капитана недоверием, потом — осознанием истины, потом — благоговением.

Огонек алчности, к радости Мориса, так и не ушел из глаз капитана окончательно.

- Но я не тритон и не готфрин, чтобы жить под водой! - говорил капитан через час.

- Вам и не придется, - уверял его Морис. - Кроме того, к вашим услугам будет самое большое состояние обитаемого мира. Ведь до поры Искры — лишь драгоценные стекляшки. Но пользоваться ими лучше с умом — чтобы сохранить голову на плечах.

- Не учи меня жизни, сопляк, - проворчал капитан, наливая себе еще брога. Как истинный человек дела, он быстро возвращал полагающиеся ему самообладание и прагматизм.

Пилигрим удовлетворенно кивнул и отправился готовить команду к пробуждению.

Морис погружался в воды лагуны. Ядро тянуло на глубину быстро и неотвратно. Вокруг недоуменно плясали готфрины, а где-то на самом краю видимого пространства проносились огромные гибкие тела, взблескивая цветной чешуей.

Скоро готфрины отстали, напуганные давлением глубины, и поднялись к солнцу, закружившись там хороводом в ожидании своего господина.

Лагуна была глубока. Так глубока, что вскоре солнечный свет потускнел — но на смену ему с самого морского дна пришло все разгорающееся свечение живого огня.

Все усиливающееся тепло этого далекого, но становившегося все ближе пламени исцелило струпья, оспины и язвы на воспаленной от прикосновений солнца и воздуха коже Мориса. Теперь она была не просто синей. Лазурь и бирюза играли на ней живыми всплесками цвета и света, вторя огню с глубины.

Когда сияние этого огня сделалось ослепительным, Морис выпустил из рук ненужное больше ядро и предстал перед Матерью.

Огромная, как подводный хребет, могущественная, как все императоры, алхимики и маги мира вместе взятые, такая родная, она гордо возлежала на россыпи Искр, согревая и оберегая их от возможных посягательств своим необъятным телом.

Мать Вод была прекрасна. Так прекрасна, какой только может быть мать для своих детей.

Она обняла Мориса своими бесчисленными гибкими руками, осторожно, как величайшую драгоценность. Да так оно и было. Каждый из ее детей был сокровищем — и не только для нее самой.

С возвращением, сын, подумала Мать. Я ждала тебя.

Как здорово вернуться, подумал Морис в ответ. Я скучал.

Потом, осторожно освободившись от материнских объятий, но не от тепла ее любви, он протянул ей на почти человеческих ладонях полтора десятка Искр, собранных им в землях смертных за годы скитаний — годы, когда ему приходилось быть и воином, и вором, и рабом.

Годы, которые он прожил почти человеком.

Ты хорошо справился, сын, подумала Мать. Они готовы.

Да, подумал Морис.

Мать распахнула складки своей мантии, пульсирующей светом живого огня.

Его готовые родиться братья и сестры легли в открытый карман созревания.

Ни спруты-сладкоежки, ни жуткозубы-лакомщики, ни звероколы-икрососы не смогут теперь добраться до них — а больше никто и не способен был угрожать безопасности икринок, оболочка которых была тверже алмаза. Из Искр вот-вот должны были выйти те, кто был когда-то лишь огоньком внутри шарика из самого прочного на свете стекла — а потом изменились, пройдя сквозь испытание страстями смертных существ.

Глубокие воды лагуны Крабьего острова были единственным местом на всем свете, где из Искр рождались драконы.

Мать открыла другой карман. Искры в нем горели неярко. Пока — неярко.

Скоро им суждено было разгореться в полной мере.

Алчность, гордыня, жажда власти, зависть и ненависть ждали встречи с ними.

А еще — вера, надежда и любовь, которые встречаются реже, но греют сильнее.

Медлить, отодвигая мгновения этих встреч, было нельзя.

Зачерпнув из родового кармана Матери горсть новорожденных Искр, Морис устремился к далекой поверхности.

Мать провожала его лучами своей любви.

Он будет чувствовать ее прикосновение еще долгие-долгие годы, живя среди существ, для которых драконы — лишь сказка. А потом вернется вновь. Снова. И снова.

С борта каперского брига «Безрассудство» на за игрой драконов и готфринов задумчиво наблюдал капитан Буриан.

Пилигрим стоял рядом, страшно вато улыбаясь безгубым рыбьим ртом.

Морис помахал им и снова ушел в глубину — туда, где ждали его братья и сестры.

Пора было прощаться.

В мыслях Мориса не было места печали.

Готфрины весело щебетали, радуясь новому дню.